

В а л е н т и н
Ф А Л И Н

УНИКАЛЬНАЯ
ФИГУРА
СОВЕТСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ

С Т А Т Ь И И З С М И

З А П И С К И И З Д Н Е В Н И К О В

В О С П О М И Н А Н И Я С О Р А Т Н И К О В

Валентин Фалин

**Валентин Фалин – уникальная
фигура советской дипломатии**

«Центрполиграф»

2021

УДК 882
ББК 66.4

Фалин В. М.

Валентин Фалин – уникальная фигура советской дипломатии /
В. М. Фалин — «Центрполиграф», 2021

ISBN 978-5-227-09363-9

Валентин Михайлович Фалин – уникальное и незабываемое явление советской дипломатии, политики, науки. Квинтэссенция уникальности его личности в том, что и знания, и опыт, и характер, и судьба выковали в нем принципы и бесстрашие. За то, что он не изменял своим принципам, не подстраивался под конъюнктуру, его далеко не всегда благодарили те, кто не отдавал себе отчет в том, что же такое грибоедовское «служить бы рад, прислуживаться тошно». Но сегодня, когда говорят о «принципиальной внешней политике», мы вспоминаем именно сурового, полного внутреннего достоинства и обаяния В.М. Фалина. Предлагаем вашему вниманию необычную книгу. Первая ее часть – заметки наших современников, знавших Валентина Михайловича лично. Его называли «Человеком между двух времен». Но мы прекрасно понимаем, что это был человек и нашего времени, и будущего. Вторая – статьи Фалина, написанные для СМИ в период с 1984 по 2015 годы. Поразительна их актуальность! Третья, заключительная часть книги – заметки «для себя» из блокнота В.М. Фалина, куда он записывал в течение многих десятилетий самое сокровенное, интересное, наиболее важное... Читая их, можно почувствовать, что было дорого, о чем он думал и чем жил. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 882
ББК 66.4

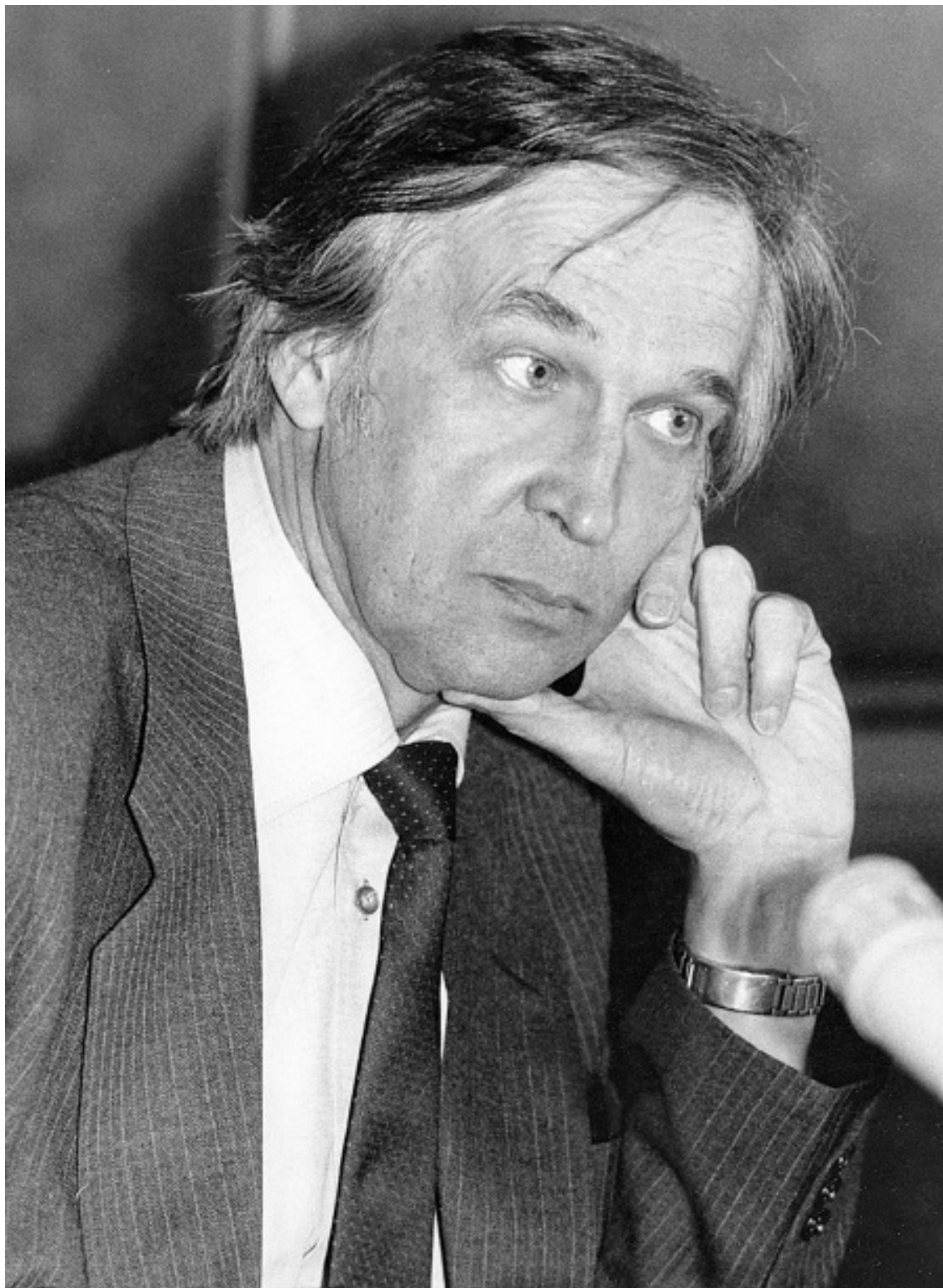
ISBN 978-5-227-09363-9

© Фалин В. М., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Излучение Фалина	8
И один в поле воин...	8
Вспоминая о В.М. Фалине	11
Излучение Фалина	17
Они были у него в сердце	21
Профессор Фалин	24
«Аттическая соль»	26
Статьи В.М. Фалина в СМИ	27
9 мая	27
Миноносная демократия	30
Вашингтон, нейтралитет и нравственность	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валентин Фалин
Уникальная фигура советской
дипломатии. Статьи из СМИ. Записки из
дневников. Воспоминания соратников

© В.М. Фалин, наследники, 2021

© «Центрполиграф», 2021

Излучение Фалина Статьи-воспоминания

И один в поле воин...

Начну, так сказать, с сантиментов. Вот выдержка из моего дневника: «Осталась в памяти поездка министра в Италию в апреле 1966 года. Та самая, когда Громыко выдвинул идею созыва общеевропейского совещания, что на годы сконцентрировало усилия нашей политики в Европе. Итальянцы довольно неожиданно сразу поддержали это предложение, вызвав неподдельную радость нашей делегации.

Приподнятость атмосферы поддерживали двое золотых не мальчиков, но зрелых юношей советской дипломатии: Анатолий Гаврилович Ковалев и Валентин Михайлович Фалин. Ох, как приятно было работать с этими талантливыми людьми. Ковалев к тому же обладал поэтическим даром и вдруг выдавал двустиишие:

Среди античных развалин и флорентийских видов
Даже Фалин кажется Давидом.

Изыюминка была в том, что комплекция Валентина Михайловича, высокого и худого, на такое сравнение отнюдь не тянула. Громыко не без удовольствия повторял эпиграмму, переспрашивая несколько раз, но в конце концов запомнил четко. На следующий день Фалин брал реванш:

Стать дипломатом дело плевое,
Читайте азбуку Ан. Ковалева.

Как раз незадолго до этого вышла книга моего шефа по 1-й Европе „Азбука дипломатии". Процедура запоминания повторилась, и все трое были довольны.

В ходе заключительной пресс-конференции министр произвел впечатление также тем, что высоко отозвался об итальянских художниках эпохи Возрождения. „Мы приехали в Италию, – добавил Андрей Андреевич в шутку, – также для того, чтобы посоветоваться с ними, высокими выразителями гуманности"».

Сегодня почти наверняка скажу: чувствуется рука одного из «мальчиков», скорее всего, Фалина...

Безусловная неординарность Валентина Михайловича сочеталась с огромной работоспособностью. В те далекие времена мучил меня вопрос: почему сложилось такое положение, что горстка людей работает на износ, а многие, нет, не бездельничают, но ведут, как бы это сказать, нормальную чиновничью жизнь?

Постигая ее премудрости, услышал как-то от старшего коллеги такое объяснение.

Есть два типа руководителей. Одни подбирают себе такие кадры, на фоне которых они могут выгодно смотреться. Отсюда работники соответствующего качества. Кстати, следующее поколение руководителей выходит, как правило, из окружения шефа, и история продолжается.

Громыко, по словам моего наставника, принадлежит к другому типу. Он умел подбирать и заставлять на себя работать людей весьма способных. Но таких-то в общей массе не много, в том числе по причине первого типа руководителей. Их поиск, воспитание, натаскивание – задача трудоемкая.

Обычно ограничивались тем, что на немногих ложилась основная, порой чрезмерная нагрузка, но интересы дела (и министра) были соблюдены.

Это все к тому, что Валентин Михайлович Фалин был среди тех, кто тащил воз, а не сидел на нем. Более того, он пытался, когда успешно, когда нет, направлять воз внешней политики в сторону, наиболее соответствующую интересам советского общества. У него, насколько могу судить, было четкое представление на этот счет. В самых коротких словах: разрядка, мирное сотрудничество.

Он не изменял своим верованиям, открыто возражал, когда воз заносило не туда, не страшась наказаний. В ряде случаев они не заставили себя ждать.

Честно сказать, я не припомню других примеров подобной смелости. Вот когда приобретало подлинный смысл бывшее тогда в ходу выражение: «принципиальная внешняя политика».

После знакомства в Италии был большой временной разрыв в общении, слишком велика была разница в служебном положении и роде занятий. Переиодически до нас, младших чинов, доходили рассказы о том, как независимо ведет себя Фалин с министром, не позволяя грубости и окрика. Мне это сильно импонировало и подбодряло.

На общем фоне чиновничества Валентин Михайлович выделялся даже внешне: мало-улыбчивый, замкнутый, полный внутреннего достоинства.

Сблизились мы только в двухтысячные, почти через полвека после первой встречи. Оба, естественно, уже в отставке. Я по-прежнему смотрел на него с большим пиететом.

Помню, мы были польщены, когда Фалины пригласили нас к себе на дачу отметить очередную годовщину своей свадьбы. Глядя на жену его Нину, я все время вспоминал слова Валентина Михайловича: «Она спасла мне жизнь».

Встречи наши не были частыми, но каждый раз открывали новую грань моего старшего друга.

К примеру, я знал, что Фалин хорошо разбирается в живописи. Но когда он показывал нам с женой некоторые картины из его коллекции, мы почувствовали, что перед нами настоящий знаток.

Были они и у нас на даче. Тот вечер был отмечен «большой политикой»: Фалин, Виктор Суходрев, наш друг и сосед, и я вспоминали «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Правда, больше вместе с Валентином Михайловичем рубился Суходрев, мои бои были на другом участке фронта.

Книги обоих авторов не случайно стоят на полке в моем шкафу рядом.

Энциклопедические знания Фалина – нельзя было не поражаться его памяти – помогли мне, когда я готовил свою главную книгу «В разные годы».

Сейчас уже и не упомнишь всего того, чем щедро делился, отвечая на мои вопросы, Валентин Михайлович, на какие мысли навел.

Один из ярких эпизодов высвечивает еще одну грань характера Фалина – его способность видеть далеко вперед. Задолго до воссоединения Германии он, по его словам, предупреждал руководство страны, что партийно-бюрократический режим в ГДР не прочен, высок градус недовольства людей...

Меня, говорил Валентин Михайлович, слушали, соглашались, но все осталось по-старому. Фалин и дальше не сидел сложа руки, считая в горячий период воссоединения, что мы упускаем время, он шел на самостоятельные шаги, граничащие с дерзостью, это тоже было в его характере.

Фалин не был образцовым чиновником. До конца жизни сохранил он в себе глубокую человечность.

Маленький штрих. Будучи у них в гостях, мы с женой ахнули от восхищения, увидев белый от цветущего терновника забор фалинской дачи. Не говоря ни слова, Валентин пошел за лопатой, выкопал несколько деревьев и аккуратно уложил к нам в багажник.

Отныне у нас каждую весну цветет фалинский терновник. А неподалеку – сирень Суходрезов, саженцы привезли Инга и Виктор.

Добавлю, что трогательно выглядели на участке Фалиных небольшие домики для кошек, сколоченные хозяином. Нечастый случай, когда высокий интеллект сочетается с умением поработать руками.

Славный был человек Валентин Михайлович Фалин.

*Заместитель министра иностранных дел СССР,
посол СССР в Италии Анатолий Леонидович Адамишин*

Вспоминая о В.М. Фалине

Из времен международного отдела ЦК КПСС

В принципе (смысл латинского термина «принцип» – «главное, решающее, руководящее», каждый добавит, что это значит в любой данной ситуации...) я не вправе писать даже эпизодические воспоминания о Валентине Михайловиче Фалине. Несмотря на определенное личное расположение, мы совершенно очевидно принадлежали к разным возрастным и статусным группам, не говоря о жизненных опытах в советском обществе. Однако время распорядилось так, что мне было недавно предложено написать свои «заметки» об этом, без преувеличения, уникальном государственном деятеле, а если идти глубже – «Человеке между двух исторических времен». Точнее – о неординарном Человеке времени перехода от советского в некое иное, пока невнятно определенное и переменчивое до сих пор время в истории России. Наследие, запечатленное Валентином Михайловичем в его мемуарах, беседах, интервью и статьях, – все это только предстоит неспешно усвоить современникам, но, надеюсь, и тем, кто последует за нами.

Однако бесспорно и то, что его отличие от классических «советских начальников» настолько разительно, что сразу же и навсегда воспринималось всеми, кто так или иначе был вовлечен в его орбиту (независимо от принятия или отторжения этих качеств). Сразу подчеркну, что по упомянутым причинам я вправе лично комментировать только тот короткий период в деятельности В.М. Фалина, который связан с его ролью руководителя Международного отдела и Секретаря ЦК КПСС, где мне довелось работать в конце восьмидесятых. То был короткий, но яркий период в его жизни, когда он (с большим, на мой взгляд, запозданием, причины которого прочерчены в его мемуарах) был вознесен (но уже вполне закономерно) перестройкой М.С. Горбачева на высший уровень советской иерархической системы. Жизнь и служение отчизне, как я убежден, были для него всегда сопряжены в единое целое, поэтому совсем не случайно, что именно такие люди были востребованы «наверху» в те многообещающие годы. Не берусь судить относительно того, как развивалось и чем закончилось это «хождение в высшую власть» (о том много чего сказано в мемуарах как самого В.М. Фалина, так и других деятелей его круга).

Мне нет нужды погружаться здесь и в рассуждения о том долгом и переменчивом советском периоде во внешней политике, которые описаны самим В.М. Фалиным – реальным и значимым участником, в его мемуарах (они, кстати, выдержали два издания, уверен, не последние, в силу их нетривиальности). В жизни прозорливого наблюдателя этих событий, каким изначально был В.М. Фалин, в чем видится его уникальность, уместилось несколько существенно разных периодов. Как их классифицировать и оценивать – это отдельный, профессиональный, сколь и личный вопрос для историков. Для начала же каждому стоит приглядеться и разобратся в собственной каждодневной жизни, оценить сначала ее, спустя десятилетия последующих перемен... но тут каждому из проживших долгую жизнь в науке и политике предстоит непростая личная задача, да и не место здесь судить ее итоги.

Главное же то, что В.М. Фалин, в разной степени и в разном статусе, был востребован в ходе каждого из этих без преувеличения исторических этапов. Для любителей же «ретроспективной критики» советской, как и любой другой, внешней политики сразу следует заметить, что при всей внешней обоснованности их аргументов они, как правило, упускают из виду главное – обстоятельства времени и места. Те, в которых действовали реальные участники событий, а не их «книжно-картонные фигуранты». Рассуждать о политическом прошлом увлекательно для публицистов, но это занятие столь же увлекательно, сколь и бесплодно – время то невозвратно ушло, оценить его по истинному достоинству и исторической (а не модернизированной) мерке непросто, личностное, исходящее от участников, чаще (если не всегда) вытесняет

здесь социально- и исторически значимое... Впрочем, сам В.М. Фалин вполне убедительно и достаточно высказался на сей счет в своих мемуарах и показал, как это надо делать.

* * *

В марте 2011 года на канале «Россия» была показана серия фильмов о В.М. Фалине, приуроченная к его 85-летию. Сериал этот был настолько удивителен, что сподвиг меня написать юбиляру личное поздравление, разросшееся до некоего комментария по поводу как самого адресата, так и событий и времени, в котором ему довелось жить и участвовать. Необычным этот фильм был прежде всего в силу выбора главного героя, масштабность и глубина самой личности которого настолько явно контрастировали с тем, что принуждают нас смотреть сегодня по ТВ, про современную действительность и особенно недавнее прошлое (к сожалению, преимущественно в гротескно-примитивном изложении). Разительно отличался тот фильм по всему «дискурсу» и «стилистике» его героя, что невольно передавалось и журналисту-собеседнику. Полагаю, что для большинства слушателей, как и участвующих ведущих (а они стали подчас не менее значимыми актерами, нежели сами герои их повествований), фильм явно выходил из стандартного разряда «разговора с интересным собеседником». И дело было не столько в мастерстве создателей и иной стилистике, сколько в уникальности самого героя передачи. Предвидели ли это изначально сами создатели передачи – уже не столь важный вопрос, однако эффект фильма явно превзошел ожидания внимательного зрителя, и мы должны быть и сегодня благодарны его создателям. Скорее всего, новое поколение в кинопублицистике просто не ведало о том, с кем они решили делать передачу. Впрочем, он не меньше отличался и в прошлом от эпох и номенклатур и медийной стилистики, с которыми плотно тогда соприкасался.

Но главное, конечно, фильм отличался прежде всего по значимости того послания, которое прямым текстом или иносказательно, через неожиданные реминисценции и цитаты, в фирменном фалинском стиле он передавал современникам, а скорее, вверял на суд самой Истории. Драматичное развитие России и особенно ее внешняя политика за последние полвека были представлены нам не просто участником ее важнейших событий, но человеком, главным стержнем которого было и остается служение стране и забота о ее судьбе, человеком, опыт и уникальный аналитический дар которого время переплავило в новое качество – политическую мудрость. И это на фоне того, что большинство из именитых фигурантов-мемуаристов так в итоге и не оставили ничего сверхценного, кроме малозначимых уже «тайн», пикантных подробностей и «разышлизов» о собственной роли в истории.

Помнится, что меня задело тогда, что, параллельно с фильмом, некоторые тогдашние газетные «моськи» (видимо, из начинающих и наиболее «отвязанных») пытались подчас ужалить этого «зубра от политики» (вспоминая «Зубра» Даниила Гранина), выставить его чуть ли не «трубадуром холодной войны советских времен». Однако тех, кто даже на время попал в орбиту Фалина, на такой мякине не проведешь. Едва соприкоснувшись, сразу приходило понимание, что он разительно отличался от всех в верхах, прежде всего своей инаковостью, неортодоксальностью, притягательной силой удивительного интеллекта, наконец, культурой и манерами природного русского интеллигента.

Были, хотя и редко, «наверху» схожие, но он (кстати, еще со времен опалы, когда вышел на массовую аудиторию как обозреватель «Известий») остается уникальной фигурой.

Значимость таких людей тем более высока, если принимать во внимание то, что в России – стране с перманентно обновляемой элитой (вместо элит устойчивых, как в других ведущих странах) – каждый вновь приходящий лидер страны сегодня, как и вчера, всегда заново открывает для себя мировую политику, да и нужных «академиев» не все из них кончали (что не всегда бесполезное требование). От благоглупого прожектерства, простодушных иллюзий

и похлопываний по плечу, которые, кстати, в последнее десятилетие как-то сошли на нет, все они в разной степени, но неизбежно подходили со временем и потерями (уже для государства!) к уяснению суровых реалий. К сожалению, это стало некоей закономерностью для российской политической культуры. Возникает и иной недуг – самоуверенность, отнюдь не всегда обоснованная. В.М. Фалин же, похоже, уяснил эти опасности очень давно, смолоду, поэтому и практически всегда был востребован наверху, несмотря на то что оставался другим для властей. Без таких профессионалов нормальному государству легко быстро сползти на обочину (что в итоге и произошло с некоторыми из них и всегда угрожало России). А как сегодня российскому обществу и власти, да и так называемому мировому сообществу пригодились бы такие уроки Фалина! Чтобы политика в России (как и в других странах-лидерах) смогла преодолеть старые и новые комплексы, приобрести внятность, перспективную, устойчивую стратегию, опирающуюся на суровый реализм, вместо обманчивого прагматизма. Но у России и тут «особенная статья»: открытость современного мира, интенсивность контактов лидеров, как и их приостановка, видимость успехов и сопутствующие этому головокружения – все это новые, сильно стимулирующие данности, а это обычно привязывает к сиюминутности, иллюзии, что «мир начинается со мной и сегодня». «Остается только надеяться, что В.М. Фалин будет по-прежнему считать необходимым нести свое слово „городу и миру“, трезво соотносить нас с историей» – так я закончил свое поздравление... и Фалин откликнулся. Я не очень удивился, что его ответ носил заметные критические нотки: «завышенные», в его восприятии, личностные оценки, как я уже успел до того понять, претили самой его натуре, даже если в них уже очевидно не было никакого личного расчета (равно как и ему не было абсолютно никакой нужды рисоваться перед бывшим подчиненным).

* * *

Переходя от общих рассуждений к делам практическим, хотелось бы кратко рассказать об одном памятном для меня эпизоде. Весной 1989 года состоялся визит В.М. Фалина в статусе председателя Комиссии по иностранным делам ВС СССР (по советской традиции он унаследовал эту должность от М.А. Сулова) в ведущие организации Западной Европы: Европейскую комиссию, Европейский парламент, Совет Европы, ПАСЕ, НАТО и ныне уже не существующий Западноевропейский союз. Поездка заняла неделю, летали спецрейсом Москва—Страсбург—Брюссель—Москва. Интенсивность встреч была поистине беспрецедентной, но главное – это было первое представление преобразованного перестройкой Советского Союза на уровне институтов объединенной Европы. В мечтах того перестроечного времени готовилось ни много ни мало – некое «новое открытие Европы» для «новой России», на этот раз под углом зрения переосмысления отношений СССР с европейскими институтами (сближения с ними). Событие, безусловно, историческое, беспрецедентное по своему потенциалу, который был реализован в последующее десятилетие, но со временем оно полностью стерлось из истории в силу общей турбулентности тогдашней жизни как в самой России, так и в мире. Сегодня вряд ли кто вспомнит, а тем более знает об этом визите: нет той страны, кануло в вечность (или переписано заново) многое связанное с ней, особенно в свете происходившего в последние, столь переменчивые годы... Тем не менее и через четверть века имеет смысл приглядеться к упомянутому визиту делегации В.М. Фалина хотя бы для того, чтобы понять, как иногда разнятся «исторические ожидания» и «исторические результаты». Мне довелось сопровождать В.М. Фалина в ходе этого визита от Международного отдела ЦК КПСС, который он тогда возглавлял, и присутствовать на всех встречах. По прошествии лет оказалось, что одна из них лично для меня была поистине судьбоносной: в ходе того визита впервые официальная советская делегация «постучалась в двери» Совета Европы, а семь лет спустя я пришел туда, чтобы участвовать в конкурсе, а потом без малого двадцать лет первым из представителей России занимать там пост

директора департамента. Следуя жанру политических воспоминаний, упомяну здесь лишь об одном из многих открытий в ходе того визита – о встрече делегации В.М. Фалина в штаб-квартире НАТО в Брюсселе.

Нет нужды говорить о том, что это было экстраординарное событие, не имевшее аналогов. Подтверждением тому являлось и участие в делегации Маршала Советского Союза С.Ф. Ахромеева, в то время по возрасту и иным, политическим причинам уже отошедшего от оперативного управления армией, но остававшегося в высоком ранге военного советника М.С. Горбачева. По случаю визита в штаб-квартиру НАТО маршал С.Ф. Ахромеев сменил гражданский костюм, в котором обычно появлялся на встречах и других мероприятиях, на парадную маршальскую форму. Худощавый, подтянутый, строгий, точный в суждениях и оценках, производивший впечатление «советского Суворова», он с самого начала визита в штаб-квартиру НАТО оказался в центре внимания. Десятки журналистов, спрессованных в отведенном для них пространстве, с трудом манипулировали камерами, снимая первое в истории посещение штаб-квартиры НАТО советским офицером столь высокого ранга, да еще и в военной форме! Ажиотаж, худо-бедно сдерживаемый на входе охраной, привел к полной ломке протокола: сотрудники штаб-квартиры высыпали из кабинетов и встали у дверей, где в простенках красовалось предупреждение на разных языках: «Внимание! Помни – противник подслушивает!» Так мы и шли сквозь этот впечатляющий строй зрителей – В.М. Фалин, С.Ф. Ахромеев, а за ними я. Мне до сих пор не вполне ясно, для чего я был приглашен туда: Фалин и генсек НАТО Вернер беседовали на немецком, реплики Ахромеева переводил сам Фалин. Максимум, что я мог сделать, – это давать маршалу Ахромееву «суммарный перевод беседы». Видимо, двум высоким начальникам полагалось иметь некое сопровождающее лицо, кстати, такой же сопровождающий был и у М. Вернера.

Не буду скрывать: визит в штаб-квартиру НАТО, а тем более посещение кабинета генерального секретаря этой организации были для меня сродни какому-то фантастическому сновидению – советский имидж НАТО, несмотря на перестроечные новации, не мог не оставить следа, да и столпотворение на входе, и призывы опасаться противника на стенах коридоров, которыми теперь шли эти самые «противники», оказали определенное воздействие. Кабинет генсека неожиданно оказался по-домашнему уютным, лишенным всякого бюрократического гигантизма: мягкий свет настольных ламп, большие комфортабельные кресла в стороне от бюро хозяина кабинета. На стене – карта мира: многометровое полотно с верхней подсветкой давало уникальное видение нашей планеты, как будто некий фотограф запечатлел ее с точки, находящейся в сотнях километров над Северной Атлантикой! На карте размещались все тогдашние страны – члены НАТО без исключения – ничего лишнего! Привожу свои сентиментальные реминисценции только для того, чтобы подчеркнуть главное: В.М. Фалин вошел в кабинет и вступил в беседу с генсеком НАТО на равных, как абсолютно уверенный в себе собеседник. Было очевидно, что он точно знал, зачем и с чем сюда пришел, а может быть, знал и то, с чем отсюда выйдет. Понятно, что

В. М. Фалин, бывший послом СССР в ФРГ, и Вернер, занимавший одно время пост министра обороны ФРГ, были давно знакомы, и это упрощало контакты, но открытость и живость общения меня буквально поразила. Это была если не встреча друзей (с чего бы это?), то уж точно беседа двух одинаково заинтересованных и равных собеседников (а ведь первое условие истинного диалога – признание изначального равенства сторон). Уверенность начальника невольно передалась и мне: я с удовольствием выпил предложенный кофе, уже более уверенно осмотрелся и осознал значимость момента...

Вряд ли удастся добраться до архивов, где хранится резюме той беседы (в моих заметках В.М. Фалин не нуждался, «наверх» докладывал сам, разумеется оговаривая детали с

С. Ф. Ахромеевым, с которым они почти ежедневно завтракали на двоих). Одна мысль тем не менее не выходит у меня из головы: останься Фалин, Вернер и Ахромеев на своих постах

еще какое-то время – сложились бы отношения России и НАТО так же, как сегодня? Вопрос, может быть, из разряда риторических, то есть «неуместных», но ведь и история подчас сплетена не только из объективно положенного, как принято всегда считать у «рационалистов», но и из личностного и случайного (когда в дело вступает, причем решающим, неумолимым образом, «его величество случай», по многозначному замечанию А.С. Пушкина). Полагаю, что эта нерасшифрованная мысль нашего поэтического гения особенно значима, когда речь идет о действительно весомых и неординарных участниках истории, тем более действующих в «период перемен».

* * *

В заключение кратко о последней встрече с В.М. Фалиным, который согласился на просьбу принять моих петербургских коллег – авторов книги «Итоги роста Человечества и задачи Человека сознательного» А.М. Анисимова, С.Ю. Градова. (СПб.: СИНЭЛ, 2015.)

Заметно было, что зрение стало сдавать, но память и интеллект Валентина Михайловича были все так же безупречны. Как вспоминают петербургские участники встречи, тот факт, что Валентин Михайлович практически утратил зрение, явился для них откровением. Так как все его поведение говорило об обратном, даже глаза его светились каким-то небесным светом. В этой связи они с уважением вспоминают его супругу Нину Анатольевну, которая так легко и естественно помогала мужу справляться с недугом, помогала видеть мир, поддерживать интерес к настоящему и будущему. Это был, в терминах авторов упомянутой книги, замечательный пример «универсального взаимодействия между родными Людьми. Они до сих пор благодарны судьбе за предоставленную возможность быть знакомыми с этой удивительной парой.

Круг вопросов, интересовавший молодых петербуржцев (людей уже вполне зрелых и давно самостоятельно мыслящих, но все же по возрасту они могли годиться В.М. Фалину во внуки), был далек от мировой политики, что и неожиданно вывело беседу на «советские времена». А более конкретно на причины эрозии и последующего упадка советской системы, причем не столько по экономическим и социальным показателям (такие вопросы были бы «не по адресу», да и однозначных ответов на них не существует), сколько из-за сбоев в идеологии системы. Самое интересное, что задававших эти вопросы уж никак нельзя причислить к ностальгирующим о советских временах – их идеи и концепции (а речь идет о вполне продуманных и сформулированных концепциях, прорабатываемых уже не первое десятилетие) скорее нацелены на перспективу, в том числе и весьма отдаленную. За вопросами стояло искреннее желание понять, в чем причины коллапса потенциально столь притягательной и неоспоримой для большинства системы, почему в итоге от нее отказался и тот самый советский человек, на создание которого власть потратила немало материальных и смысловых усилий.

Вопросы эти были отнюдь не случайными, ведь в упомянутой выше книге поднимались такие неочевидные для «нормативной науки» вопросы, как третья сигнальная система и высшая сигнальная деятельность, «Универсальное излучение» и «Универсальное взаимодействие между Людьми», как эксперименты по «прямому видению», проходившие под руководством академика Н.П. Бехтеревой, с которой сотрудничали «мои петербуржцы» (кстати, в ответ Валентин Михайлович поведал, что в Советском Союзе начались исследования в схожих с этим направлениях, но позднее Хрущев своим решением их закрыл). В центре этой достаточно широкой концепции петербургских авторов лежит идея «Гуманитарного (человеческого по-русски) Общества» (общества нового типа, интуитивно искомого в мире в наше время) и научно-образовательная модель соответствующего Человека нового типа – «Человек Сознательный». Некоторые отголоски его искали еще в рамках построения государственной идеоло-

гии в СССР (в частности, в рамках концептуализации так называемого создания «советского человека»). Тем более значимыми были взгляды В.М. Фалина на сей счет.

Ответы В.М. Фалина (после некоторого раздумья – ведь пережитые им при и у власти периоды в рамках советской системы столь отличались один от другого) запомнились, и стоит привести их по памяти.

Одной из фундаментальных причин была изначальная слабость и все нарастающая «запущенность» теоретической базы официальной идеологии: начавшись с пересказа общих по характеру идей Маркса, а затем взглядов (чаще ситуативных) Ленина и Сталина, теория общественного развития обрекла себя на то, чтобы оставаться в «замкнутом кругу» (отсюда и поразившая тогда современников фраза Ю.В. Андропова «...мы не знаем общества, в котором живем...» – да и как это было узнать при отсутствии в СССР социологической науки?!). И это несмотря на мощные усилия по пропаганде марксистско-ленинской теории, выродившейся в итоге в добровольно-принудительные курсы и занятия. Уход от диктатуры пролетариата к государству рабочих и крестьян, с добавлением трудовой интеллигенции, а в 70-х к общенародному государству, если и расширял (концептуально, на бумаге) социальную базу власти, все менее отвечал на вопросы о будущем предназначении системы. «Утеря смыслов» в теории, а затем и в обществе (кроме естественных материальных интересов) была тем более ощутима в условиях нарастающего расхождения между пропагандой («словом») и реальностью («делом»). Но это, добавлю от себя, одна из «хронических болезней» российского социума, унаследованная от советских времен и сегодня...

Другая причина была связана с невысоким уровнем интеллектуального развития советской партийной элиты (Фалин знал о ней не понаслышке, пройдя от эксперта из окружения Сталина до секретаря ЦК КПСС при Горбачеве). Сказанное отнюдь не означает ни соответствующего происхождения, ни образования (сам В.М. Фалин тоже был «не из дворян» или потомственных интеллигентов, а с дипломами была уже почти вся сталинская номенклатура), но речь шла именно о личностном внимании руководящего кластера общества (сейчас его льстиво величают элитой) к вопросам теории, их внимании к главным концептуальным вопросам. Увы, большинство из них даже не чувствовало необходимости что-то переосмысливать во «всесильном марксистско-ленинском учении», отсюда – нарастающий консерватизм, застой, все большее отставание от запросов и ожиданий общества (отсюда и М.А. Сулов, как «главный идеолог партии», от позднего Сталина до позднего Брежнева). Разумеется, это не исключало наличие интеллектуально незаурядных людей в руководстве и аппарате единственной тогда партии, но очевидно, что они никогда не составляли там большинства (в этой связи, вспомнился краткий, но удивительно точный рассказ-зарисовка Эрнста Неизвестного: ожидая встречи на улице перед зданием ЦК на Старой площади со своим товарищем-цековцем, как художник, он уловил визуальное различие сотрудников, входящих и выходящих из его подъездов. Он назвал их «красненькие» (настоящие номенклатурные начальники) и «зелененькие» (интеллектуальная обслуга первых). Так, кстати, и был назван этот рассказ).

В этих условиях (первая и вторая причины действовали многие десятилетия) выхолащивание «советского человека» было лишь вопросом времени. Он, в массе своей, оказался в переломный момент сравнимым с «пустой куколкой, из которой давно вылетела бабочка». Однако срок жизни бабочки недолог, ее быстро сменяет следующее поколение. Хотелось бы надеяться, что следующее поколение людей будет не просто успешнее и «Человек сознательный» не только задержится в истории, но и создаст в будущем новую историю на новых принципах. Безусловно, новая публикация В.М. Фалина будет при этом востребована и поучительна, и отнюдь не только в связи с мировой политикой.

Независимый эксперт по вопросам мировой политики

д. ю. н. Алексей Семенович Кожемяков

Излучение Фалина

Валентина Михайловича Фалина знают многие, но есть в этом некий парадокс – его известность разная. Для одних Фалин – дипломат, для других – ценитель и покровитель искусства и его деятелей, для третьих – секретарь ЦК КПСС и беспощадный критик действий Горбачева, для четвертых – автор исключительно важных публикаций по истории Второго фронта и Второй мировой войны, «сумеркам богов», германскому вопросу и многим другим сюжетам, для пятых – «свидетель эпохи», как это представлено в редких документальных фильмах... Ни одно из этих представлений не исчерпывает всю глубину личности и судьбы нашего героя. Не претендует на это и наш короткий эскиз, в котором я поделюсь частью своих впечатлений и соображений о Валентине Михайловиче. Более обширная версия моих воспоминаний о нем и попытка осмысления его личности, надеюсь, увидит свет позже.

Мои впечатления сложились за относительно недолгий интервал нашего общения, лет десять, но это общение было со стороны Валентина Михайловича бесконечно щедрым. Наверное, оно не достигло ста часов «чистого времени», но приблизилось к этой планке. Соответственно, остался огромный массив впечатлений. К счастью, значительная часть нашего общения была записана. Из того, что записано, многое в свое время было «не для печати». Всегда с нами была рядом Нина Анатольевна, с неохотой, мягко, но справедливо и неумолимо прерывавшая наше затягивающееся обычно сверх запланированного общение. И всегда оно, где бы ни происходило – на Якиманке, в Подмоскowie или на официальных мероприятиях, было незабываемо содержательным, открытым и по темам, и в смысле «продолжение следует». И оно следовало. Светлое и мудрое излучение Фалина продолжается.

Каким был Валентин Михайлович в эти последние десять лет, по крайней мере, каким он предстал в нашем общении? Три обобщения мне кажутся наиболее существенными. Во-первых, как человек с исключительно большой, беспрецедентной жизненной историей. Во-вторых, как человек, сам пребывавший в Большой Истории, и не только нашей страны, но мира, всех его международных дел. В-третьих, как человек, осмысливший эту Историю, связавший века, события и смыслы. Во всех этих аспектах Валентин Михайлович был, безусловно, исторической личностью. Таких сегодня, кажется, не осталось.

Обозревая жизнь Валентина Михайловича, мы обнаружим целый ряд уникальных обстоятельств. Они не в том, что его жизнь складывалась в эпоху колоссальных перемен в России и мире, всех надломов траекторий. Так «повезло» многим, если не всем, представителям поколения, родившегося в конце 1920-х годов. Уникальность жизни В.М. Фалина, как представляется, состоит в беспрецедентном сочетании возможностей, доступа к информации и лицам, принимавшим в конце концов судьбоносные для мира и страны решения, испытаний, выпавших на его долю, и в тех его поступках, которые он совершал в сложных условиях персонального выбора, оставаясь при этом человеком, ученым и гражданином. Уникальность связана и с посмертной судьбой не только его научных идей, понимания и оценок ключевых событий XX века и более глубокой ретроспективы, но и самого его имени. Голос Валентина Михайловича еще будет принципиально значим в событиях, которые произойдут в будущем и которые без контекста, ясно и компетентно определенного Фалиным, не могут быть адекватно поняты.

Напомню несколько эпизодов, в которых Валентину Михайловичу довелось быть непосредственным участником. Его знание об этих эпизодах Большой Истории бесценно.

Берлинский кризис 1961 года. 13 августа была возведена Берлинская стена, и «бряцание оружием едва не переросло в его скрещивание». Валентин Михайлович оставался в момент нашего разговора единственным живым участником кризисного штаба, наряду с А.А. Громыко и И.И. Ильичевым, как «эксперт, сведущий в германских делах». В тот день в рабочем каби-

нете Хрущева собрались маршалы И.С. Конев и Р.Я. Малиновский, а также первый заместитель начальника Генштаба С.П. Иванов. «Военные, – обратился к нам Хрущев, – в курсе дела. Повторю для вас, дипломатов. Передо мной перехват: Кеннеди приказал снести пограничные заграждения, отделившие американский сектор от Восточного Берлина. У КПП „Чарли“ бульдозеры на танковых шасси уже прогревают моторы. Я назначил Конева главнокомандующим Группой советских войск в Германии. Наши танки с полным боекомплектом будут выдвинуты к секторальной границе и, если американцы вторгнутся в пределы ГДР, откроют огонь на поражение».

«Сторонам удалось превозмочь амбиции, – подчеркивал Валентин Михайлович, – и разойтись по-хорошему... начался даже неформальный обмен мнениями. сближение позиций по германской проблеме».

Карибский кризис. Возникнув как следствие каскада шагов со стороны США и СССР, комплексных спецопераций «Мангуст» и «Анадырь», остававшихся до определенного момента тайными друг для друга. Октябрь 1962 года едва не закончился мировой ядерной войной. Поводов для этого было более чем достаточно: сбитый советскими ракетами U-2, морская блокада и глубинная бомбардировка советских подводных лодок с ядерными торпедами и многое другое. Наступил момент, когда нервы высшего руководства и в Кремле, и в Белом доме были на пределе, а силы стратегического назначения сторон приведены в полную боеготовность. Хрущев «вдруг» обращается с посланием к Кеннеди. Посланием экспрессивным, но человечным: «Да, у нас разные взгляды, но мы же с вами люди! Задумайтесь! Если вы не потеряли самообладания и имеете разумное представление о том, к чему это может привести, тогда, господин президент, мы с вами не должны тянуть за концы каната, на котором вы завязали узел войны, потому что, чем крепче мы оба будем тянуть, тем сильнее стянется узел, и придет время, когда узел придется разрубить, а что это означает, не мне вам объяснять, потому что вы сами прекрасно понимаете, какими страшными средствами обладают наши страны». Основа текста послания была подготовлена В.М. Фалиным.

Германия. В 1970-х годах В.М. Фалин – посол Советского Союза в ФРГ. Германия – ключ к европейскому миру, Фалин – один из архитекторов советской внешней политики на этом важнейшем направлении. Как распорядились Горбачев и Ельцин и отчасти Андропов достигнутым благодаря Фалину качеством отношений и возможностями разрешения германского вопроса – это иной сюжет.

Афганистан. В.М. Фалин был одним из немногих в руководстве ЦК, кто активно протестовал против ввода советских войск в Афганистан. В декабре 1979 года, перед вводом войск в Афганистан, Фалину позвонил Андропов. В разговоре с Ю.В., сыгравшим решающую роль в принятии этого решения, Валентин Михайлович буквально сказал следующее: «Простите, у меня к вам есть вопрос: хорошо ли продумано решение об отправке советского контингента в Афганистан? В XIX веке англичане 38 лет пытались освоить этот забытый Всевышним угол. И ушли несолоно хлебавши. Оружие изменилось, но его носители по-прежнему живут по обычаям Средневековья».

Андропов был резко недоволен осведомленностью собеседника о секретнейшей операции. Вскоре после этого разговора В.М. Фалин был отчислен из аппарата ЦК и на несколько лет оказался в политической опале.

Валентин Михайлович дал абсолютно четкий, мировоззренчески определенный диагноз распаду СССР и роли в этом Горбачева: «Я не верю, что Горбачев принял в 1985 году бразды правления, имея в заглавнике программу слома Советского Союза. Ему не терпелось порулить. А каким румбом вести государственный корабль, ясности у него не было. „Ввяжемся в бой, потом оглядимся“, – вещал новый генсек. Но отсутствие лоции – тоже программа. Она обслуживает собственное эго, ее данником являются коренные национальные интересы. Как личный кризис Хрущева, так и кризис Горбачева обречен на кризис режим власти и, в конечном

счете, страну. Нет, это не был кризис социализма, ибо социализм существовал лишь на транспарантах. Это был кризис антисоветской системы. Не идеи подлинного народовластия, социальной справедливости, межнационального согласия виной тому, что случилось в 1991 – 1992 годах. Катастрофа была рукотворной. Она не была фатально неизбежной. А дальше возникли душеприказчики – Ельцин, Гайдар, Чубайс. Они – все равно что Грабовой в политике и экономике. Все и всех стали измерять в условных единицах. Саму Россию превратили в условную единицу. Можно ли думать о стране как о самостоятельном и независимом субъекте, когда ее бюджет составлялся в Вашингтоне?»

Это лишь некоторые из эпизодов, о которых Валентин Михайлович рассказывал и в своих публикациях, и в наших разговорах. Они свидетельствуют о двух особенностях присутствия Фалина в высшем эшелоне советской политики. Во-первых, его высокое положение в руководстве страной определялось безукоризненным и никем не заменимым профессионализмом, знанием всего международного ландшафта в его исторической динамике и персональных конфигурациях, исключительным опытом работы в сфере стратегической информации начиная с Комитета информации, который, по сути, был попыткой создать целостную систему стратегической разведки и планирования развития СССР. То, что не получилось на уровне институции, сложилось в личностный профессионализм В.М. Фалина.

Во-вторых, его знание, получавшееся как сплав образованности, информированности, наблюдательности, опыта и включенности в принятие важнейших стратегических решений на протяжении политических эпох от Сталина до Горбачева, предопределяло сильную и часто именно критическую по отношению к наивысшему руководству позицию В.М. Фалина. Не всегда была возможность эту позицию провести в официальное решение или курс. Но всегда он пытался отстоять, невзирая на личные карьерные риски. В ряду таких эпизодов и пакт Молотова—Риббентропа, Катынь, объединение Германии, празднование 1000-летия принятия христианства, благодарность Тито за поддержку в годы Второй мировой войны и так далее. В своих мемуарах Валентин Михайлович откровенно описал «сумерки богов». И у нас не возникает сомнения в том, что это не задним числом формируемая правота, а убежденная позиция, которую он формировал и отстаивал в крайне непростой обстановке в советских верхах.

Как справедливо заметил однажды Ю.М. Лотман, «история проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а „самостоянье человека" превращает его в историческую личность». Действительно, обозревая жизнь Валентина Михайловича Фалина, мы это видим во всей отчетливости. Его деятельность в высших сферах СССР была ярким примером именно «самостоянья». Строго говоря, таких примеров мы найдем немного, если найдем вообще в новейшей истории СССР.

Но есть и особенно уникальное свойство личности и судьбы Фалина – его Дом – Дом человека, его частная жизнь. О ней, «подлинной истории жизни и любви», поведали Нина Анатольевна и некоторые друзья Валентина Михайловича. Книга удивительная. Высший такт и пронзительная откровенность:

«Если хочешь меня понять, послушай это.

...Вечером, закрывшись в комнате, в сумерках я слушала музыку Бетховена (в исполнении Вана Клиберна, подарившего нашему герою эту пластинку. – А. А.). Слушала не ушами – сердцем. Плакала. Смотрела на Владимирскую икону Божьей Матери. впервые молилась за Валентина. Как умела. Самые разные оттенки переживаний перекликались в моем сердце. Здесь он радуется, а тут тревога. А вот – глубокая, философская печаль. Да такая, что тоска сжимает грудь. Но что это? Робкие, нерешительные всплески торжества?... Ликующая музыка нарастает лавинообразно, рвется из динамиков в мир!.. Так, еще не зная примечательной истории этого человека, я приоткрыла в нее дверь.»

Во всех наших встречах с Валентином Михайловичем их неперенным участником была Нина Анатольевна. Не только как радушная хозяйка, создававшая не гостеприимство даже, а

атмосферу Дома, которая мягко, как уютный свет свеч, встречала, очаровывала и настраивала на разговор о важном в интонации поиска сокровищ знания. Нина Анатольевна всегда участвовала в наших беседах как надежный хранитель Валентина Михайловича, его знаний и здоровья. Мы с Александром Петровичем Исаевым после каждой нашей встречи в Доме Фалиных выходили в состоянии тихого восторга. Не одни лишь откровения Валентина Михайловича были тому причиной, но беспрецедентный, не виданный более нигде на этом свете, во всяком случае нами, безусловно счастливый союз. В начале этого мемуарного эскиза я сказал об «излучении Фалина». Требуется уточнение – все-таки речь идет о феномене «излучения Фалиных».

*Генеральный директор
Института экономических стратегий РАН,
главный редактор журналов
«Экономические стратегии» и «Партнерство цивилизаций»
Агеев Александр Иванович*

Они были у него в сердце

Разбирая недавно свой архив, обнаружил в папке пожелтевший номер «Известий» за 9 июля 1983 года. Субботний!

По субботам в том году, начиная с июня, выходили особые номера, совсем не похожие на остальные даже внешне, а по содержанию тем более. В них не было передовых статей, призывавших весной вовремя провести сев, летом – собрать без потерь урожай и тому подобное. Как будто на селе не ведали, что и когда делать. Вместо передовой по субботам короткие «Заметки публициста». Здесь же, на первой полосе, все основные события дня. Далее на каждой полосе броские заголовки. Глаза разбегались – что прочесть в первую очередь. Газета повернулась к читателю. Она словно сбросила строгий официальный мундир, застегнутый на все пуговицы, и предстала живой, распахнутой, интересной.

Эти номера послужили тогда стимулом и наглядным примером для обновления всей газеты. Читатель это почувствовал и оценил. Подписка на «Известия» устремилась вверх, прибавляя по миллиону в год. Тираж в итоге вырос до астрономической цифры – 11 миллионов экземпляров. Огромная читательская аудитория.

А какие имена под материалами номера за 9 июля 1983 года! Виктор Ахломов, Леонид Корявин, Борис Федосов, Юрий Феофанов, Валентин Фалин... В живых не осталось уже никого. Статью Фалина «Диалектика по-вашингтонски» прочитал сразу же. Ее и сегодня можно печатать. Она и сегодня злободневна. Как и многое из того, что Валентин Михайлович написал для «Известий» и других изданий.

Почему бы, подумалось, не собрать такое богатство и не выпустить книгу.

Спасибо Нине Анатольевне Фалиной, она не только подумала, но и осуществила это.

Валентин Михайлович приступил к работе в «Известиях» в начале 1983 года. Его перевод в редакцию с высокой должности – первого заместителя заведующего Отделом международной информации ЦК КПСС – журналисты обсуждали в своем кругу. Чем вызвана опала? Выдающийся дипломат, аналитик мирового уровня, инициатор ряда важнейших государственных решений... Нет, это несправедливо и не по-хозяйски. Такими талантами не разбрасываются.

Лишь годы спустя узнал, что поводом для опалы стал конфликт с Ю.В. Андроповым по проблемам ввода войск в Афганистан и по проблемам Катюни. Что ж, для Валентина Михайловича главным в жизни было служить Отечеству, защищать национальные интересы, а не обслуживать первое лицо в государстве. Или, как писал Салтыков-Щедрин, не путать Отечество с его превосходительством. Аналитические записки и меморандумы, с которыми Фалин обращался к руководству страны и партии, стоили ему подчас очень дорого.

Вот и оказался в редакции «Известий». Редакция неожиданно обрела умнейшего автора. В коридорах власти потери не подсчитывались.

В редакции «Известий» Фалин проработал более трех лет. Писал много, темы выбирал сам, с объемами, правда, перебарщивал. Приходилось «поджимать». Это была постоянная и практически неразрешимая проблема. Шесть политобозревателей, десятки сотрудников трех международных отделов, соборы минимум в 25 странах – огромный штат. Все профессионалы, все хотели, чтобы их материалы с ходу шли в номер. А в газете под международную тематику лишь одна полоса или полторы. Узкое горлышко. Как объясняла одна из героинь в фильме «Москва слезам не верит»: в стране с бумагой напряженка. У Фалина, насколько я помню, ни один материал не пропал, несмотря на «напряженку».

Не подсчитывал, сколько статей за его подписью опубликовано в «Известиях». Думаю, немало. Работал он много.

Очень много. Его материалы печатались не только в газете, но и в научных изданиях. В эти годы он защитил докторскую диссертацию, которая легла в основу книги «Второй фронт» – лучшее, что есть у нас по этой проблематике.

В «Известия» я пришел из АПН¹ вместе с Л.Н. Толкуновым, на несколько месяцев позже Валентина Михайловича. В редакции мы и познакомились. Он уже вполне освоился на новом для него месте. Работать с ним было легко, общаться фантастически интересно. Великолепный рассказчик, богатая русская речь, никаких слов-паразитов, тонкое чувство юмора и энциклопедические познания. Он обладал феноменальной памятью. Часто извлекал из нее потрясающий факт или документ и почти дословно, если это документ, приводил его слушателям.

Общались мы чаще всего за обедом. Члены редколлегии и политобозреватели обедали в мини-буфете на втором этаже. Меню не отличалось разнообразием: что-то на первое и выбор из двух блюд на второе. Но было удобно, потому что времени на это уходило немного. За обедом обменивались новостями, впечатлениями о прочитанном или увиденном, не обходилось и без споров.

Валентин Михайлович приходил в буфет аккуратно в два часа. Часто приветствовал меня вопросом: «Как Иван? Что выдал вчера?» Иван – мой внук, который в ту пору вступал в самое забавное время – когда детям от двух до пяти. Я как-то рассказал Валентину Михайловичу, как внук открывал для себя мир и осваивал русский язык. Фалин смеялся до слез. Смеялся так, как смеются дети, искренне, добродушно, безмятежно. В нем сохранилось что-то от детства – трогательное и хорошее. Десятилетия спустя он спрашивал: «Как дела у Ивана?»

Жаль, не записывал факты, мысли, вопросы, которые доставал из своего неисчерпаемого «кладезя» Валентин Михайлович на обеденных блиц-беседах. Приведу два исторических документа, которые не мог не запомнить. На мой взгляд, они относятся к жанру притчей.

Притча первая, рассказанная Фалину заведующим архивным управлением МИД. Граф Никита Иванович Панин,

ведавший при Екатерине II дипломатической службой, раз в неделю докладывал императрице о всех важнейших событиях в мире. На очередной встрече граф сообщил, что получена от шведов нота: просят один из островов Аландского архипелага либо подарить им, либо сдать в аренду. (Этот архипелаг простирается от юго-западной оконечности Финляндии в сторону Швеции; Петр I присоединил его к России в ходе Северной войны.)

– Зачем им остров? – удивилась императрица.

– Шведская знать, – пояснил граф, – любила проводить здесь время, на острове удобные бухты для стоянки яхт. И никаких лишних глаз.

– Впервые просят? – заинтересовалась императрица.

– Нет, обращались еще при Петре I, но Петр отказал.

– Почему? – последовал вопрос.

Никита Иванович ответил, что не помнит, надо посмотреть в архиве.

– Непременно посмотрите, – сказала императрица. – Петр I весьма любопытно аргументировал свои решения.

Через неделю на очередной встрече Никита Иванович доложил о последних новостях и собрался уходить, но императрица его остановила.

– Помнится, я просила вас посмотреть аргументацию Петра.

Граф молча протянул ей шведскую ноту. Императрица прочла резолюцию – всего несколько слов, написанных размашистым почерком Петра I. Изобразим их так: «*** вам, а не остров». Русским языком Екатерина II владела. Ее ответ не оставлял никакой надежды просителям:

– Шведам я не могу предложить даже этого.

¹ Ныне РИА «Новости». (Примеч ред.)

Притча вторая. У Сталина в рабочем кабинете стоял сейф, где он держал особо важные, с его точки зрения, документы. Среди них запись беседы Черчилля с внуком канцлера Бисмарка в конце 1920-х или в самом начале 1930-х годов. Внук канцлера был первым секретарем германского посольства в Лондоне. Как эта запись попала к Сталину, догадайтесь сами. Послушаем, что говорил Черчилль: «Вы, немцы, недоумки, – внушал Черчилль. – Зачем вы воевали на два фронта в Первой мировой войне? Надо было все силы сосредоточить на одном. А мы в Англии постарались бы вразумить Францию, чтобы она ничем вам не помешала. Получилось совсем не то. И что теперь? Важнейший вопрос. Главное, не дать Сталину осуществить индустриализацию России».

Увы, теперь эти драгоценные россыпи уже не запишешь. Но осталось то, что написано Валентином Михайловичем. Надеюсь, вам будет интересно узнать, о чем он размышлял, что его тревожило, что он отстаивал. Ему не нужно было обращаться к госсекретарю США с просьбой разъяснить, в чем заключаются национальные интересы России. Они были у него в сердце.

*Первый заместитель главного редактора «Известий» (1983—1988)
Николай Иванович Ефимов*

Профессор Фалин

Осенью 2000 года ко мне, тогда заведующему кафедрой истории российской государственности Академии государственной службы, подошел экономист, историк экономики Рэм Александрович Белоусов. Остановив меня, он спросил, знаю ли я Валентина Михайловича Фалина.

Я, конечно, его знал, знал заочно. Да и мало кто в Советском Союзе не видел и не знал его как одного из постоянных участников популярной в СССР телевизионной программы «Международная панорама». Комментарии Фалина – всегда взвешенные, аналитичные, доказательные, лишённые пропагандистского накала, были убедительны и этим заметно отличались от выступлений его коллег.

Заочное знакомство было продолжено тогда, когда мне пришлось возглавить Государственную архивную службу. Работая с документами политбюро и секретариата ЦК КПСС, я не мог не обнаружить, что только один (!) секретарь ЦК КПСС – Фалин – не только принимал необходимость перемен, но и понимал трудности и опасности на этом пути. Многочисленные записки Фалина свидетельствовали прежде всего о нетипичной для этой среды смелости и политической ответственности. Перечислю лишь некоторые, оставшиеся у меня в памяти.

Он ратовал за государственное празднование тысячелетия принятия христианства в стране, официально пропагандировавшей воинствующий атеизм, доказывал бессмысленность отрицания катынского расстрела и замалчивания документов об этом событии, десятилетиями отравлявшего советско-польские отношения, он вынудил провести расследование, оценить и признать финансовый крах СССР к 1990 году, когда КПСС уже не имела возможности оплачивать из госбюджета деятельность «братских партий» и их коммерческих структур по всему миру. Отсюда – его рекомендации по созданию механизмов самофинансирования компартий и подготовки к возможности деятельности в оппозиции. Он настаивал на создании в Верховном Совете СССР коммунистической фракции и превращению КПСС в парламентскую партию. Фалин был обеспокоен реальностью распада страны и вносил предложения по изменению союзного договора с тем, чтобы союзный центр нашел себе союзников в лице автономий...

Его предложения – всегда реалистичные – похоже, пугали своей точностью высшее партийное руководство, пребывавшее в иллюзорной уверенности в своем всемогуществе. Знакомство с записками Фалина создавало представление о нем как о человеке, реально обеспокоенном состоянием страны, имевшем ясное представление о том, как должно идти реформирование страны в подлинно социал-демократическом направлении, и человеке, плохо вписывавшемся в номенклатурно-послушное окружение генерального секретаря.

Поэтому на вопрос Рэма Александровича Белоусова я ответил, что читал записки Фалина в ЦК.

Р.А. Белоусов с горечью сказал, что по возвращении из Германии, где Фалин преподавал в одном из университетов, в Москве он оказался ненужным. Его боялись пригласить в качестве преподавателя. Он даже не получил здесь звание профессора, хотя стал доктором еще в начале 1980-х. Р.А. Белоусов заметил, что его связывает с Валентином Михайловичем многолетняя дружба, еще со студенческих лет.

Я сказал, что буду рад пригласить В.М. Фалина преподавать на кафедре. Лучше его трудно было представить преподавателя новейшей истории для аспирантов кафедры. Его огромный опыт аналитика был бесценен для слушателей, проходивших подготовку по специальности «Историческая аналитика для государственной службы».

Мой расчет был вполне прагматичным. Однако произошло гораздо большее, чем я ожидал. Умный, интеллигентный, обаятельный Валентин Михайлович сразу стал любимцем кафедры. О нем как о преподавателе с восторгом говорили слушатели, заочники и вечерники

– в то время, как правило, сорокалетние офицеры, государственные служащие. В Академии госслужбы В.М. Фалину ВАК присвоил звание профессора. На заседаниях кафедры, где тогда работали замечательные историки – А.К. Соколов, М.Р. Зезина, Н.М. Рогожин, В.П. Попов, О.Г. Малышева, А.И. Комисса-ренко, Н.Ю. Болотина – В.М. Фалин был участником профессиональных споров и дискуссий. Его точка зрения не всегда принималась, но он задавал **тон** дискуссий – споров, которые велись в строго академической, даже дипломатической манере.

Нередко обсуждения истории страны во второй половине XX века провоцировали его на воспоминания – о его работе в Германии в начале 50-х годов, о работе в Комитете информации, о Хрущеве, Брежнев, Андропове, о западных политиках – Гарольде Вилсоне, Вилли Брандте, Гельмуте Шмидте... Воистину, его устами звучала история. Он воссоздавал прошлое в мельчайших деталях. Для нас – историков – он сам был источником по истории недавнего прошлого.

В этих автобиографических отступлениях раскрывалась и личность Валентина Михайловича – его чувство собственного достоинства, широчайшая образованность и увлеченность искусством – живописью, музыкой, поэзией, его патриотизм и служение делу, а не лицам. Он был веселым и остроумным участником кафедральных посиделок, его любили и уважали.

Отдельная тема – участие В.М. Фалина в заседаниях совета по присуждению ученых степеней. Он неизменно приезжал на заседания, готовый к обсуждению работ, предварительно изучавший и автореферат, и работы. Его участие в дискуссиях всегда было точным, аргументированным, нередко находившим новые аспекты в теме, представленной для защиты.

Рассказывая о Валентине Михайловиче, я не могу не сказать о его добром ангеле – Нине Анатольевне, непременно сопровождавшей его на всех заседаниях ученого совета, милом и приятном собеседнике.

Работа В.М. Фалина в Академии госслужбы продолжалась больше десяти лет и закончилась практически с прекращением существования этой академии и ее переделки в Академию народного хозяйства и госслужбы. Позиция нового руководства академии по отношению к истории России как предмету второстепенному привела к тому, что кафедра фактически прекратила свое существование. Наша дружба с В.М. Фалиным продолжилась, как и сохранилось бесконечное уважение к этому истинному патриоту России со стороны его многочисленных учеников, слушавших его лекции и спецкурсы.

Нам повезло, что в жизни был Валентин Михайлович Фалин.

Профессор,

д. и. н., заслуженный деятель науки РФ,

главный научный сотрудник Института российской истории РАН,

главный редактор журнала «Российская история»

Пихоя Рудольф Германович

«Аттическая соль»

С Валентином Михайловичем Фалиным я познакомился в 2001 году, когда он пришел к нам на кафедру истории российской государственности РАГС. Наши отношения носили доверительный характер. О чем хотелось сказать в первую очередь: Фалин обладал моральными принципами и идеалами, свойственными человеку европейской культуры; на бытовом уровне это проявлялось в одинаково ровном и доброжелательном отношении к собеседнику, он избегал общих фраз и пустых рассуждений, его речь всегда была предметна и образна, большой запас знаний, дипломатический и жизненный опыт вызывали общий интерес. Фалин обладал феноменальной памятью, во время его лекций, больше напоминающих беседы, «оживали» исторические персонажи, которых он знал лично по своей дипломатической и государственной практике. Знание им своего предмета было доскональным, знаток отечественной и мировой культуры, Фалин обладал системным, нередко парадоксальным мышлением с ярко выраженным ироническим складом ума («аттическая соль» присуща многим его трудам, а еще больше устным выступлениям).

Фалин долго жил и много видел, общался с лидерами зарубежных стран, наблюдал и анализировал исторические процессы. Он имел мужество «проститься с прошлым», не цеплялся за изжившие себя политический курс и режим, но он также хорошо понимал и видел те риски и реальные угрозы, которые возникли перед страной на рубеже веков. В отечественном истеблишменте времен перестройки он не принадлежал ни к «ястребам», ни к «голубям», всегда оставался самим собой, ставя на первое место ум, чувство собственного достоинства и ответственности за порученное дело. Его взвешенная и продуманная позиция по германскому вопросу во времена М.С. Горбачева свидетельствует об этом.

Поражало то, что при своем высоком социальном статусе в кафедральных делах он отличался ответственным отношением к любому, даже мелкому делу, а высочайшая исполнительская дисциплина была его второй натурой.

Его перу принадлежит множество работ, но на меня наибольшее впечатление произвела монография, посвященная антигитлеровской коалиции. Этот труд представляет образец научного исследования: полемически заостренный, он содержит глубокий анализ скрытых пружин, двигавших внешней политикой ведущих держав – участниц мирового конфликта. Сегодня, пользуясь фалинским выражением, мы сидим с Соединенными Штатами и Великобританией в «разных лодках», но было время, когда внешние обстоятельства поместили нас в «одну лодку». Возможно, этот исторический опыт не пройдет для нас даром.

Профессор МПГУ, д. и. н. Василий Петрович Попов

Статьи В.М. Фалина в СМИ 1984 – 2015 г г.

9 мая

Еще где-то стонали орудия, огрызались автоматы, шипели и рвались фаустпатроны. Еще пламя долизывало остовы зданий, танков, людей. Но это уже не была война. Та, самая жестокая, тяжелейшая война в нашей истории, в истории вообще, – закончилась.

Сорок шесть месяцев и две с половиной недели длилось сражение. Каждый день – в год. Каждый год – в век. Сегодня, на отдалении 39 лет, все так же необозримы перенесенные советским народом испытания. Все так же недостает нужных и верных слов, чтобы сложить летопись Великой Отечественной с ее непреходящей славой и неугасающей скорбью. Чтобы воздать должное подвигам. Легендарным и безвестным.

И существуют ли такие слова? Слова, способные донести до потомков пронзительную боль утрат и ликующую радость, что охватила советских людей с восходом солнца 9 мая. Может быть, в час торжества добра над злом нет ничего праведнее молчания, нет ничего искреннее поклона земного памяти тех, кто жизнями своими остановил огненный вал, поднятый фашистской нечистью против Страны Советов. Кто умер, чтобы жили и радовались жизни мы, чтобы жили по-человечески все люди всех континентов.

Двадцать миллионов – десятая часть довоенного населения Советского Союза – не увидели света Победы. Свыше трех миллионов из них были коммунистами. В борьбе за свободу Родины, за социалистические идеалы погибли четыре пятых от общего числа членов ВКП(б) кануна войны. Так переводилось на суровый язык военного лиха высшее призвание партии – служить народу, веление сердца, побуждавшее коммунистов прикрыть собой товарища, быть там, где труднее, быть всегда впереди. И такова диалектика прогресса – на место павшего борца вставали двое новых.

«Не будет капитуляции, не будет мира или перемирия. Или уничтожение России, или наше уничтожение», – бесновались гитлеровские заправилы. «Советы должны быть разбиты, точно так же, как прежде мы должны были разбить (немецких) коммунистов, чтобы прийти к власти», – записал 8 мая 1943 года в своем дневнике Геббельс «откровение», явившееся фюреру.

Мировое господство без разгрома Советского Союза было недостижимо. «Что русские самый трудный противник, какого мы имели до сих пор и какого мы вообще можем иметь в мировой войне, на сей счет ни у одного солдата не может быть ни малейшего сомнения. Мы также все общего мнения, что этот русский не капитулирует», – заявил Гиммлер в 1942 году, требуя от эсэсовцев и полицейской своры усиления террора против советских людей. Непокколебимую решимость нашего народа отстоять свое правое дело этот палач из палачей не мог объяснить «ни логикой», «ни чувством долга». Его страшил «русский комиссар, безоговорочный большевик, большевик до последнего вздоха, пронизанный волей защищаться и биться». Преданность Отчизне и идейная убежденность преломлялись в извращенном расистскими бреднями мозгу как поведение «бестии», подлежащей уничтожению.

Какие уж тут нормы права, морали, человечности! Сплошная кровавая оргия. Если к погубленным гитлеровцами и их приспешниками советским людям добавить раненных ими, то получится, что на каждого немца «тысячелетнего нацистского рейха» придется одна жертва. А кроме того, были убиты миллионы поляков, югославов, евреев, французов, чехов и слова-

ков, англичан, норвежцев, граждан других национальностей. Сколько же бед народам принес мерзостный режим, изуверствовавший от имени целой нации?

Однако в сопоставлении с «генеральными планами» освоения «жизненного пространства» совершенные преступления были чем-то вроде разминки. Что же ждало народы, не будь у советских большевиков и беспартийных решимости биться до конца? Заглянем в нацистские исповедадьни.

В течение 30 лет – в случае, понятно, успешного для Германии исхода войны – с территории Польши, республик Советской Прибалтики, Западных Украины и Белоруссии должно было быть «убрано» – уничтожено или выселено за Урал – свыше 50 миллионов человек. Для прислуживания немецким колонизаторам имелось в виду сохранить здесь около 14 миллионов «чужеродных», часть которых подлежала онемечиванию. В «русском вопросе» за главное направление бралось «искоренение». Поскольку ликвидация 40—60 миллионов людей требовала времени и хлопот, оккупанты, готовя «окончательное решение», собирались перво-наперво подорвать общность народа, вернуть его, разбив на изолированные друг от друга группы людей, к первобытному состоянию.

По прошествии лет мрачная реальность несколько потеряла в резкости своих очертаний. Из-за счастливого свойства памяти отодвигать вглубь, стирать плохое. Отчасти потому, что новым поколениям, родившимся или выросшим после 45-го, трудно представить, что подобное могло быть. Даже мы, люди старшего возраста, не перестаем недоумевать, неужто в XX веке варварство и дикость могли возродиться, к тому же в формах, превзошедших по садистской жестокости любые образцы прошлого? Но никуда от фактов не уйдешь. Так было.

Раненых не просто добивали, их жгли огнем, чтоб продлить мучения. В трескучие морозы пленных сгоняли на обнесенные колючей проволокой пустыри, оставляя умирать без пищи, воды и медицинской помощи. С людей сдирали кожу, чтобы мастерить из нее абажуры и ридикюли для нацистских модниц. Из человеческих тел варили мыло, а кости шли на «улучшение» немецких полей. Локонами, состриженными перед отправкой детей в газовые камеры, набивали солдатские тюфяки. Печи Освенцима, Бухенвальда, Маутхаузена гудели сутками напролет, пожирая людей. Да что там печи концлагерей. Пылали тысячи городов и деревень, обращались в пепел и прах их жители – стар и млад, мужчины и женщины. И памятниками бесчисленных трагедий оставались развалины, сплошные развалины. Так было.

Конечно, адова явь вызывалась не росчерком пера или поджигательской речью. У подлости были охочие до злодейства исполнители. Нацизм превратил миллионы немцев в послушное орудие насилия, истязания, угнетения. Они, их родственники и свойственники кормились и жирели до поры до времени, упиваясь жизненными соками захваченных территорий и нещадно эксплуатируя их обращенное в рабство население. Оглушенные пропагандой и ослепленные собственной спесью, эти миллионы гнали от себя мысль о том, что судный день грядет. Совесть же немецкого народа заключили в концлагеря и тюрьмы, вынудили уйти в подполье или надеть форму армий, воевавших против фашизма, которые единственно и были в состоянии сломать хребет гитлеровскому режиму и принести самим немцам свободу. Так было.

Мне чуждо желание беречь раны. Если бы можно было искать забвение прошлых горестей в радужном или, спустимся с облаков, хотя бы в разумном настоящем, то кто из нас стал бы этому перечить? Подведем черту под былым, позаботимся вместе о более безопасной и уже потому лучшей жизни – мы первыми предложили это и протянули немцам руку примирения.

Но ведь как получается. Внимаешь некоторым из западногерманских деятелей и узнаешь, что они в обиде за «всю Германию». И ответственность «зря» возложили на немцев за войну. И «несправедливо» отняли территории, где они привыкли чувствовать себя хозяевами. И «грубовато» обошлись со «сверхчеловеками», когда бои шли уже не под Москвой и Ленинградом, Киевом и Минском, а под Кёнигсбергом и Берлином.

Убийцы, от макушки до пят в крови своих жертв, в огромном, подавляющем большинстве отделались испугом в ожидании, что их будут-таки преследовать «до края света». А оправившись, вновь поблескивают моноклями. Те же, кого для проформы привели к слепой на правый глаз боннской Фемиде, «искупили» содеянным лишением свободы в среднем по минуте за убиенного. Если сие не реабилитация злодейства, то что есть издевательство над гуманностью?

А как должно относиться к рассуждениям на вполне официальном уровне о том, что последние битвы Второй мировой войны не отгремели? Что ФРГ «продолжает миссию» сдерживания коммунизма? Что в рамках НАТО исправляется «ошибка», попутавшая англосаксов занять не ту сторону на баррикадах минувшей войны? Как прикажут понимать трогательную заботу о традициях вермахта, ибо генералы делали свое дело «недурно», и если бы не Гитлер, то неизвестно, чем все кончилось бы. Вы только вдумайтесь в суть – война была плоха в основном тем, что финишировала не по-расчетному!

Когда такое видишь, слышишь, читаешь, когда под старые и новые антикоммунистические, антисоветские и анти-славянские марши муштруют очередную военную поросль, когда предлагают себя другой державе, занемогшей гегемонизмом, в качестве ассистента для размещения и использования оружия первого удара, нацеленного в противника прежних и новейших империалистических планов мирового господства, то невольно вопрошаешь: все ли рассказано об истинной мозаике послевоенной Европы, о тех камешках и краеугольных камнях, из которых она складывается? Все ли предпринято, чтобы народы распознали в распускающихся цветках дурмана колеры прошлого и ядовитые семена будущего? Все ли сделано, чтобы немцы на Западе твердо усвоили – оступаться им больше нельзя ни при каких обстоятельствах и при любых коалициях.

Не надо сеять подозрений и подозрительности. Кто не хочет слышать фальшивую музыку, не должен играть на слабых струнах, дрожащих ожиданием мести. Однако и всепрощение не ответ на проблемы действительности, тем более если великодушие кое-кем воспринимается чуть ли не как извинение: не ушибли ли мы вас, когда вышвыривали от Сталинграда и с предгорий Кавказа. Печально, что приходится это говорить. Однако, сталкиваясь с глумлением над правдой и памятью жертв гитлеровской агрессии, когда же называть вещи своими именами, как не в День Победы, выстраданной и оплаченной сверх всякой меры?

Советский народ шел к этому дню не только как к победе над фашизмом, но и как к победе над всеми войнами. Она должна была открыть новую эпоху – эпоху сотрудничества и добрососедства государств. Американский империализм предал совместные цели антигитлеровской коалиции. Но ни один, ни вкуче со своими милитаристскими сообщниками Вашингтон не в состоянии отнять у советских людей мечту о прочном мире, веру в то, что кошмар, принявший полвека назад лик нацистского безумия, не повторится. Не в силах империализма и сломить нашу волю к тому, чтобы мечта о мире не оставалась лишь мечтой, чтобы войн не было, чтобы никому не повадно было их начинать.

1984

Миноносная демократия Мнение политического обозревателя

До сих пор нет-нет все еще всплывают мины времен Второй, а то и Первой мировой войны. Из тех, что не дождались своих жертв, притаившись на дне морей, и, потеряв терпение, решили сдаться на милость людям.

Но вот мир всколыхнули сообщения, что в мирное время при подходе к портам Никарагуа на минах подрываются одно за другим несколько торговых и рыболовных судов. Подрываются там, где минной опасности никогда прежде в помине не было, в районе, который, согласно официальной американской фразеологии, причислен к наиважнейшим с точки зрения обеспечения свободы судоходства и поддержания безопасности морских путей.

Вашингтон поначалу сделал вид, что он ни при чем. Более того, протест советского правительства в связи с преступным актом против танкера «Луганск» госдепартамент отвел как заявленный будто бы не по адресу. Ответственность за терроризм на море взяло на себя сомосовское отребье. Было объявлено, что мины сконструированы, изготовлены и установлены специалистами из некоего «инженерного» подразделения контрреволюционных группировок, ведущих вооруженную борьбу против народной сандинистской революции. Хотите – верьте, хотите – не верьте.

Конечно, никто не поверил, ибо всем и каждому известно, что сами эти группировки содержатся на средства, выделяемые конгрессом США для подрывной деятельности против законного правительства Никарагуа. Они ни шагу не могут сделать без разрешения офицеров Пентагона и ЦРУ, которые ими командуют подчас также в ходе диверсионных и прочих операций. Однако козел отпущения сыскался. Первый удар по вашингтонским инстанциям вроде бы удалось смягчить.

Но дальше все пошло наперекосяк. При обсуждении жалобы Никарагуа в Совете Безопасности ООН Соединенные Штаты были вынуждены прибегнуть к вето, чтобы не допустить принятия резолюции, поддержанной 13 членами Совета из 15 (при одном воздержавшемся). Предвидя аналогичное развитие событий в Международном суде, американцы заранее объявили, что в течение ближайших двух лет США не будут признавать юрисдикцию суда по любому спору между ними и какой бы то ни было центральноамериканской страной. «В силу этого мы считаем, – заявил на пресс-конференции представитель госдепартамента Дж. Хьюз, – что полномочия суда не распространяются на обращение Никарагуа». Прописали, чем должен заниматься Международный суд и с чем может обращаться в него Никарагуа.

Гегемонизм до того въелся в плоть, что даже не замечают, в каком карикатурном свете себя выставляют. Или замечают, но Р. Рейган решил по новой испытать свою прежнюю методу, выраженную им когда-то в словах: не важно, что обо мне думают, главное, чтобы «уважали». Уполномоченный Белого дома Л. Спикс пару дней назад именно это, в сущности, и признал. На вопрос, «обеспокоен ли президент тем, что американцы могут думать не слишком хорошо о нем в связи с минированием никарагуанских портов?», Спикс ответил буквально следующее: «Нет, президент делает то, что считает правильным».

Думают же о главе Белого дома действительно не очень уважительно. Небезызвестный американский реакционер сенатор В. Голдуотер, который является председателем специальной сенатской комиссии по разведке, в письме на имя директора ЦРУ У. Кейси подчеркнул: «В выходные дни я пытался обдумать, как лучше выразить свое отношение к сообщению о том, что президент одобрил минирование некоторых портов в Центральной Америке. Мое отношение сводится к одной короткой и искренней фразе: я... *(нецензурное выражение)*».

Заместитель Голдуотера по комиссии Д. Мойнихэн подал в отставку со своего поста в знак протеста против того, как администрация обманывала не только иностранные правитель-

ства, не только Организацию Объединенных Наций, не только американскую общественность, но и высший законодательный орган страны. Правительство распространяло информацию о том, будто оно непричастно к этому делу, тогда как, констатировал сенатор, «минирование никарагуанских портов осуществлялось американскими минами с американского судна под американским командованием». Если бы Мойнихэн захотел продолжить перечисление фактов, он мог бы прибавить, что план минирования был предложен шефами Пентагона и ЦРУ соответственно К. Уайнбергером и У. Кейси и утвержден лично президентом Р. Рейганом, что эта террористическая операция от начала и до конца вашингтонского происхождения.

Как же администрация выходит из малопочтенного положения? У немцев есть пословица – повторение рождает мастера. Да, лгали... Ну и что? Не в первый и не в последний раз. А заодно подводят, так сказать, теоретическую базу под беззаконие. И тут первую скрипку вручают представителю США при ООН Дж. Киркпатрик.

Ученая дама – как-никак преподавала в университете – со свойственной ей прямолинейностью отрубил: «Мне кажется, что в результате минирования мы прежде всего начинаем по-настоящему наносить ущерб экономике Никарагуа. По-моему, минирование было законным». Поскольку, видите ли, соседи недовольны правительством в Манагуа, а у соседей есть влиятельный покровитель в лице США. Вообще применение американских вооруженных сил в Центральной Америке может быть оправдано, если «мы (в Вашингтоне) придем к непреложному выводу, что наши жизненно важные национальные интересы непосредственно поставлены под угрозу.»

Позиция, сформулированная Дж. Киркпатрик и другими представителями администрации, кое-кого оглушила на Западе. Как сообщалось третьего дня в «Известиях», министр иностранных дел Норвегии С. Стрэй пролепетал: если признать ответственность Вашингтона за положение в Центральной Америке, то следует признать и право США вмешиваться в дела государств этого региона. Но ведь претензии Соединенных Штатов Западным полушарием не ограничиваются. Значит, по совету из Осло, придется признать законным американское беззаконие по всему свету. Надо отбросить «юридические положения и абстрактные моральные принципы», требует на страницах «Нью-Йорк таймс» сотрудник Центра стратегических исследований Джорджтаунского университета М. Ледин. «В некоторых случаях, – поучает он, – попытка уничтожить суверенное государство не противоречит морали».

Если нельзя, но очень хочется, то можно, заметил один острослов. Но в свете того, что вытворяет рейгановский Вашингтон с международным правом, мне не до шуток. Ситуация напоминает мрачную пору, когда монархи изволили цинично изрекать: если тебе приглянулась земля соседа, захватывай ее. Постфактум сыщется дюжина юристов, которые докажут твое «законное право» на эту землю.

Выступая 18 апреля в Белом доме, Р. Рейган как ни в чем не бывало рассуждал о том, что «Соединенные Штаты проводят сбалансированную политику поддержки демократии». Что же тогда несбалансированная политика? Что же иное называется произволом, террором и шантажом? Видный американский обозреватель А. Льюис охарактеризовал политику международного терроризма, проводимую администрацией Рейгана, как «гибельный курс». Он считает, что эта политика ведет США к катастрофе. И как может быть иначе, когда мины подводятся под сами устои мирных отношений между государствами.

1984

Вашингтон, нейтралитет и нравственность

В середине ноября заместитель пресс-секретаря Белого дома Л. Спикс огласил перед журналистами заявление следующего содержания: «Люксембург проводит проамериканскую, пронатовскую внешнюю политику. Президент выразил великому герцогу признательность за оказываемую поддержку».

Любое государство неохотно принимает унижение достоинства за комплимент. И реже всего сносят высокомерие, с чьей бы стороны оно ни высказывалось. Малые нации, утверждавшие свою самобытность и самостоятельность тяжкими жертвами, наперекор всем превратностям истории. Я был почти уверен, что щепетильные до вопросов национальной чести люксембуржцы не смолчат. В конце концов, даже в общем-то невинные описки-посвящения типа «признательному учителю от уважаемого ученика» не остаются без горячей порой реакции.

Возможно, отклики из официальных кругов последовали. Просто мне о них не известно. Зато на глаза все попадались американские и прочие комментарии, восхвалявшие метаморфозу Люксембурга. Вот, мол, что можно сотворить из некогда нейтрального государства. Так, Поль Льюис писал в «Нью-Йорк таймс»: «После Второй мировой войны Великое Герцогство Люксембург площадью всего 1000 квадратных миль расторгло договор о вечном нейтралитете, навязанный ему столетие назад его более могущественными соседями, и вступило в организацию Североатлантического договора».

Далее автор статьи информирует, что в порядке обеспечения предпосылок для ведения американцами 30-дневной войны в Европе США создали на территории герцогства «огромные военные склады», забитые «всем необходимым, начиная от танков и самоходных гаубиц и кончая боевыми пайками и бельем с подогревом». Последнее, понятно, для использования не в мягком западноевропейском климате. Концентрация такого количества вооружений и амуниции, замечает Льюис, «увеличивает (это его слова) уязвимость Люксембурга» в кризисной ситуации. Тем не менее, продолжает он, превращение страны в арсенал чужеземного оружия особых протестов не вызвало, ибо, избавив от безопасности 360 тысяч ее жителей, склады «обеспечили постоянную работу для 600 люксембургских механиков, которые испытывают и ремонтируют хранящееся на них оружие и снаряжение».

Мы точнее уловим тенденцию рассуждений Л. Спикса и П. Льюиса, если освежим в памяти кое-какие факты. Вскоре после окончания войны США объявили нейтралитет «аморальной политикой» и, поскольку это от них зависело, быстренько восстановили «нравственность» полдюжины стран в одной лишь Европе. Причем в большинстве случаев американцы, так сказать, закрепляли и развивали «успехи» по искоренению нейтральной ереси. Злая ирония судьбы – милитаристский германский дух не только не изничтожен, как того требовали решения антигитлеровской коалиции, но все явственнее проступает в воинственных маршах теперь натовской компании. Больше того, милитаристы могут тайно ликовать – осколки их «нового порядка», который обрекал нейтралитет на вымирание как явление, чуждое идее руководства миром из единого центра, вознесены на более высокий, атлантический уровень. Это вдохновляет.

Нейтральные пятна на карте Европы портят пейзаж, потому что разрывают фронты, исконную вашингтонскими неоконсерваторами сплошную линию противоборства. Они, нейтралы, потенциальные носители «гнилых» компромиссов, соединения различных интересов в сводную мозаику бытия. И вообще без них, как и без неприсоединившихся, удобнее и легче.

В условиях войны сим неудобством намечено пренебречь по принципу «свобода не знает границ», сообразно и «борьба за свободу» должна быть безграничной. Как США уже практиковали в 1958 году, когда их военные самолеты, направляясь с баз в ФРГ на Ближний Восток, находили излишним делать крюк, а шли напрямик через Австрию. Ясно, без спроса. В оправда-

ние постфактум что-то пробурчали про «недоразумение», а в своем кругу посетовали: может, зря «мелочились», зря раскрыли стратегический замысел? Кое-кого вроде бы пожурили. За недалекость. А планы, что с ними случилось? Ничего. Они действуют.

И все-таки перемены есть. В последние годы определено. Не возьмусь гадать, в какой мере эти перемены связаны с размещением в Западной Европе американских ракет первого удара или принятием армией США новой, до крайности авантюристичной доктрины «Эйрлэнд бэтл 2000». Может быть, взаимосвязь больше временная, чем причинная, хотя сомневаюсь в том. О чем речь?

Активизировались попытки США навязаться в «защитники» трем нейтральным странам – Швеции, Швейцарии и Австрии, а также Финляндии. С одной стороны, им нашептывают о люксембургском опыте как поучительном и достойном распространения. С другой же, усердно пугают стандартизированной в НАТО «советской угрозой» или, еще хуже, «постоянной нарастающей и т. п. советской угрозой». Инициатива по части «угрозы» и рецептов ее «парирования» исходит, насколько известно, главным образом из Вашингтона. Последний же проявляет раздражение тем, что правительства стран, намеченных к «защите», не в восторге от перспективы попасть в «подзащитные». Раздражение двойное. В отличие от Среднего Востока Европу сложнее окрикнуть – не ерепеньтесь, все равно будем «защищать». Если иной не чувствует опасности, это не основание для Вашингтона держаться в стороне, когда опасность чувствуют Соединенные Штаты. Поэтому приходится, что называется, давать понять. Самим или с помощью друзей-единомышленников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.